

С. Н. ДУРЫЛИН

В своем углу

Федоров (Н. Ф.) никому не известен по-прежнему, но тем, кому известен, тем он — откровение, 5-е измерение, пророк, «первый двигатель».

«Федоровцы» явились тогда, когда меньше всего можно было их ждать. Вл. А. Кожевников не окончил своих статей о Федорове¹; Бартенев² упрекал его за это. В самое неподходящее время самые неожиданные люди спрашивали меня о Федорове и уготовали его идеям самое неподходящее место и назначение. Иногда хочется сказать, глядя на «федоровцев»: кому нечего делать, тот намерен заняться воскрешением.

В Академии был доклад Горностаева: «Толстой и Федоров»³. Говорят, Горностаев утешал кого-то из сетовавших, что Вл. Соловьев рано умер: «Что ж! Мы его первого воскресим!» <...> Первого-то следовало бы воскресить самого учителя.

Когда меня спрашивают о Федорове, я молчу.

Федоров — это оторванный христианским ветром кусок от облака 60-х годов⁴. Кусок от этого облака оторван ветром другого направления, чем тот ветер, который слепил это облако. Состав облака Федорова тот же, что и облака 60-х годов: тут, как и там, и «общее дело», и «долг перед человечеством», и «вера во всемогущество науки», и «материализм», и все это так же, как у Базаровых, слеплено любовью, тою любовью, о последовательности которой хорошо говорил Вл. Соловьев: «Человек произошел от обезьяны, а *потому* положим душу свою за други своя». — Этот состав федоровского облака родствен и розовому облаку петрашевцев (как родственны им и «хрустальные дворцы» Чернышевского). <...>

Петрашевцы, правда, не дошли до «воскрешения», а ограничились только «обновлением человечества», но кто сказал «а», тот скажет и «б», и все отличие Федорова в том, что он, позже пришедший, вымолвил это «б».

Розовое облако у Федорова одно с розовыми облаками русских фурьеристов и хрусталедворцев: оно — лишь кусок от этого общего облака.

Но кусок этот, повторяю, оторван христианским ветром, — и облако понеслось в другую сторону, чем облака петрашевцев и Чернышевского, — в ту сторону, куда неслись грозные тучи Достоевского и Л. Толстого. Оно несется в других слоях атмосферы, с ином быстрою, под иным озарением солнечных лучей, чем те розовые облака. Тучи Достоевского и Толстого окружают его, соприкасаются с ним; пепельно-красное облако Вл. Соловьева соседит ему. Кажется: вот миг — и федоровское облако сольется с этими грозными тучами, с этим соловьевским пеплом, — но кажется это только на миг: эти тучи, этот пепел совсем из других паров, чем федоровское облако, — и оно, розовое, быстро освобождается от их грозной черноты, от их зловещего пепла, — и хоть под тем же, что и они, ветром и в тех же слоях атмосферы, — но плывет отдельно и своей розовой привлекательностью, своей яркой светлотой привлекает тех, кто боится грозных туч и небесного пепла и кому кажется, что это розовое облако так близко, что, вот, протянул руку — и достал до него, и распластал его по земле...

27. II.

(Федоров — есть «крайнее» в русской мысли: куда же дальше? И как к крайнему, к нему тянутся те, кто недостаточно внимателен или недостаточно зорок, чтобы видеть мудрость ближнего: программа maximum сделалась, волею истории, даже не программой minimum, а просто пустым местом: земля уже у мужиков — ergo: давай воскрешать человечество, по Федорову; наука, сама по себе, пока она роется в ближнем, скучна — давай заставим ее воскрешать всех, начиная с человека каменного периода до Вл. Соловьева: это куда интереснее и занятнее; христианство мелеет в погоне за нравственной мелочью, из которой должны когда-то скопиться этические рубли: давай зазвоним сразу червонцем: воскресим отцов! — федоровство для федоровцев есть пряность; есть суп с наваром из перца, корицы и гвоздики, вместо наваара из простых овощей. Религиозной воды пить не хотим, — давай религиозного шампанского! Вспомнишь поневоле слова К. Маркса, сказанные про русскую аристократию: «Она всегда гонится за самым крайним из того, что дает Запад. Это чистая гастрономия». Разница только та, что Запад теперь уже не удовлетворяет русских гастрономов (пусть они не аристократы теперь) своим «крайним», как удовлетворяли их в 40-х гг. XIX в., — они находят это «крайнее» и «крайнейшее» у себя на родине. — В этом весь ключ к федоровцам типа Горностаева и прочих. В этом же ключ — mutatis mutandis⁵ — к увлечению интеллигентов «имяславием».)

<ИЗ ПИСЬМА К Б. В. ШАПОШНИКОВУ>

<...> Существуют портреты, справедливо полагаемые на поле между «иконой» и «портретом», насыщенные, т<ак> ск<азать>, онтологией. <...> Мне кажется, трудно рассуждать о портрете и его возможности, не учитывая, из *какого* учения о личности исходит художник. Возможность портрета или невозможность обусловлены этим учением. В эпохи онтологические (Древний Египет, Византия, Древняя Русь) считался нужным, законным и возможным онтологический портрет, — и только он один. Я встречал иконные изображения патр<иарха> Никона, хотя никто не считал его святым. Я полагаю, что, скажем, Н. Ф. Федорова (помните его облик? Знаете его биографию и учение?) можно бы изобразить на портрете онтологическом. <...>

* * *

Пятница, 28 декабря 1928 г. <...>

Н. Ф. Федоров.

[Далее следует текст заметки А. К. Горского в газете «Известия» от 28 декабря 1928 г.]⁶

Прочел бы эту «юбилейную» заметку «федоровца» сам Федоров, прочел бы его верный ученик Вл. А. Кожевников... Где же идея «отцовства»? — основная, стержневая идея Федорова? Не «реальное улучшение условий жизни человечества», а воскрешение отцов — ставил Федоров верховной целью человечества. Его взгляд был всегда назад, на ниву смерти, а не вперед, на ниву, изборождаемую тракторами. «Отцы и праотцы — должны жить!» — твердил Федоров сынам и правнукам. Отцовство — как бытие и связь с отцами — как пуповинная связь с бытием: вот весь Федоров. Где ж это в заметке «федоровца»? Не заметка, а предательство.

Впрочем, юбилей — всегда предательство, — организованное, последовательное предательство.

А Федорова предавать легко: никто не читал!.. Никто не поправит, — да и нельзя прочесть, нельзя поправить.

